

В.К. Истомин – нобелевский управляющий на службе в ВСНХ¹

Ю.В. Евдошенко, к.и.н.
(ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство»)

Адрес для связи: editor3@oil-industry.ru

В.К. Истомин, 1929 г.
(фото из следственного дела)

Работа над историей старейшего отраслевого журнала началась несколько лет назад с сохранившейся в редакции выписки из протокола заседания коллегии Главного нефтяного комитета ВСНХ от 24 июня 1920 г., на котором было решено «образовать редакцию журнала «Нефтяное и сланцевое хозяйство» на правах самостоятельного отдела» [1]. Интерес к участникам этого исторического заседания, среди которых автору был известен только И.М. Губкин, заставил вплотную заняться поиском.

Вторым после имени Губкина в документе значилось имя Владимира Константиновича Истомина. Судьба этого человека оказалась примечательной, но трагичной.

В.К. Истомин родился в 1863 г. в Харькове в многодетной семье преподавателя духовной семинарии, почетного потомственного дворянина. Окончив классическую гимназию, в 1882 г. он поступил в Петербургский технологический институт, где сразу окунулся в мир социалистических идей, народнических кружков и популярного в те годы революционного террора.

Организация «Народная воля», члены которой в марте 1881 г. убили императора Александра II, была разгромлена, но отдельные ее кружки вели работу и пытались объединиться. Историк – жандарм А.И. Спиридович писал: «Первая крупная попытка объединения была сделана в 1888 г. В начале того года в Петрограде образовалась группа молодых революционеров, задавшихся целью объединения всех революционных организаций для достижения политической свободы путем систематической террористической борьбы с правительством». Среди ведущих участников группы он назвал Владимира и Неонилу Истоминых [2]. К счастью, ни одного теракта брат и сестра Истомины совершить не успели, поскольку осенью 1888 г. их арестовали.

После одиночного заключения бывший студент оказался на свободе с ограниченным правом проживания в центральных городах империи. Ему было 28 лет, инженерного диплома он не получил, хотя годы учебы в институте не пропали даром. «Вскоре по выходе из Крестов, именно в 1891 г., в феврале я приехал в Баку, – писал В.К. Истомин позднее, – где и оставался почти безвыездно до 1904 г. (июня мес.), работая последовательно практикантом и по-

мощником механика на наливном судне, слесарем на заводе «Кавказ и Меркурий», помощником механика на механическом заводе нефтяной фирмы «Каспийское т-во», на промыслах (1 год), помощником инспектора ремесленного училища в Баку (1 год), построил для Восточного о-ва нефтяной амбар в Астрахани на 1 млн. пуд. емкости, чертежником-конструктором при Бакинской городской управе, секретарем технической по охране бакинских нефтяных промыслов комиссии (3 года)» [3, л. 6].

В 1898 – 1904 гг. В.К. Истомин нес важнейшую для нефтяного Баку нагрузку: руководил статистическим отделом Совета съездов бакинских нефтепромышленников – основной организации, регулировавшей повседневную жизнь промысловых и заводского районов города. В эти годы он составлял ежегодные аналитические обзоры по состоянию бакинской нефтяной промышленности, которые публиковались в «Нефтяном деле»; организовал публикацию монографии о применявшихся в Баку буровых станках и способах эксплуатации скважин.

Сразу же после приезда молодой техник принял активное участие в работе Бакинского отделения Императорского русского технического общества (БО ИРТО), которое выполняло одновременно функции профессионального клуба инженеров и научно-консультационного центра. Он не только выступал с докладами на технические и экономические темы, но и был членом различных экспертных комиссий. Читателям «Трудов БО ИРТО» запомнились его статьи, особенно – обстоятельный анализ статистики и причин несчастных случаев и пожаров на нефтепромыслах (1895. №№ 1 – 2). В.К. Истомина вскоре избрали ученым секретарем БО ИРТО, которым он оставался до 1904 г. В мае 1902 г. по его рекомендации в общество был принят инженер-энергетик, будущий большевистский нарком Л.Б. Красин. «Имя Владимира Константиновича так тесно связано со всеми учреждениями нашего Отделения, – писал в мае 1904 г. председатель БО ИРТО К.И. Хатисов, – его так трудно отделить от нашего Отделения, как и Отделение наше от него, что отъезд В.К. из Баку и, как следствие этого, выход его из состава действительных членов Отделения, является крайне тяжелым ударом для всех нас, членов БО ИРТО. –

¹ Статья подготовлена при содействии ЦА ФСБ России.

Долгий ряд лет В.К. энергично и образцово нес трудные обязанности секретаря отделения и нес их совершенно безвозмездно. Все выдающиеся явления в жизни нашего Отделения, прошли через него и при энергичном его содействии» [4, с. 78 – 79].

Таким образом, в течение почти полутора десятилетий В.К. Истомин, оставаясь в статусе техника, получил опыт по всему спектру нефтяного дела. Он ориентировался в технике, знал организацию основных видов работ, владел статистикой и экономическим анализом. Неслучайно в 1904 г. «Т-во бр. Нобель» пригласило его на должность заведующего статистикой в правление фирмы в Петербурге. В знак признания перед отъездом бакинское инженерное сообщество преподнесло бывшему политзаключенному почетный адрес, устроило в его честь торжественный ужин, а затем специальная делегация пришла проводить его на вокзал.

Открывался новый этап в его жизни и в развитии нефтяной промышленности страны. Снижение продуктивности разрабатываемых залежей и нехватка новых нефтеносных земель заставляли компании кооперироваться не только для согласования торговой политики, но и для освоения новых районов. В Петербурге В.К. Истомина вскоре назначили управляющим делами правления товарищества и поручили координацию взаимодействия с другими фирмами.

29 апреля 1911 г. в Гурьевском уезде Уральской области в степном урочище Доссор с глубины чуть более 215 м был получен нефтяной фонтан. Туда ринулись представители фирм. «Несмотря на то, что наличие в нем промышленной нефти ныне уже вряд ли может подвергаться сомнению, следует помнить, – писала тогда «Торгово-промышленная газета», – что для того, чтобы этот район сделался действительно промышленным, на него придется затратить еще такую массу труда и средств, о размере которых пока и говорить трудно» [5]. В литературе местность, подобная этой, получила название «район нового промышленного освоения» (РНПО) [6, с. 316]. Посланный на Эмбу Минторгпромом инженер в числе обстоятельств, затруднявших освоение, назвал «малонаселенность края, отдаленность его от крупных рынков, плохие пути сообщения, отсутствие рабочих рук, недостаток питьевой воды для промыслов» и др. [7]. Освоение РНПО было не под силу одной, пусть даже крупной, промышленной корпорации. Нужны были кооперация частных фирм и налоговая помощь государства.

30 января 1912 г. собрание акционеров «Т-ва бр. Нобель» одобрило предложение правления о выделении средств (42,5 %) в уставной капитал АО «Эмба», создаваемого совместно с крупным промышленником И.Г. Стахеевым (42,5 %) и Русским т-вом «Нефть» (15 %), для разработки принадлежащих Стахееву эмбенских участков. В самой корпорации было решено организовать Отдел новых земель и разведочных работ для содействия АО «Эмба», приобретения и разведки новых участков и работы на других предприятиях РНПО. В.К. Истому поручили создать и возглавить этот отдел.

Основная нагрузка в обществе «Эмба» легла на «Т-во бр. Нобель», которое подошло к делу весьма широко и с беспрецедентным для России темпом. 10 апреля 1912 г. устав общества был утвержден, в том же месяце на Доссоре с глубины 160 саж. (около 320 м) оно получило фонтан, к лету имело две законченные скважины, одну – в бурении и одну – подготовленную к бурению. Скважины закладывались на Доссоре, Макате, Искине и ряде других участков; по договору

известная фирма А. Бари строила там стальные резервуары. От Доссора, затем от Маката через Искине до морского берега у с. Ракуша был проложен 70-верстный 6-дюймовый нефтепровод. На промыслах строились жилые и служебные помещения. Число жителей в Ракуше за год увеличилось на 200 %. Очень быстро была налажена телеграфная и телефонная связь. «Благодаря сосредоточению работ на Доссоре, местность эта оживает, всюду видно проявление деятельности. Все время по дороге из Гурьева движутся сотни подвод, нагруженные лесом, трубами, кирпичом и другими материалами», – сообщало «Нефтяное дело» [8, с. 9].

Корпорация активно использовала технические и технологические новшества. В качестве транспорта впервые широко применялись грузовики. Перевалка нефтепродуктов осуществлялась с помощью морского нефтепровода, проложенного по мелководью к барже-накопителю. Нехватка воды заставляла применять в качестве привода буровых станков не пар, а двигатели внутреннего сгорания, взамен тартания пробовать компрессоры и насосы. 12 ноября 1912 г. АО «Эмба» отправило две первые баржи с доссорской нефтью в Баку. «Рост был впечатляющим: если в 1912 г. на Доссоре был добыт 1,0 млн. п. нефти, то в 1914 г. – 16,6 млн.» [9, с. 4]. Однако транспорт, ограниченный периодом навигации, сдерживал развитие РНПО.

Вплоть до национализации В.К. Истомин был директором эмбенской группы предприятий товарищества, которые теперь вели добычу не только на Доссоре, но и на Макате, проводили ширококомасштабную разведку, углубившись в степь на сотни километров; в Ракуше ими уже были построены два небольших нефтеперегонных завода. Позднее В.К. Истомин признавался, что в 1917 г. хотел уйти от Нобелей, но остался после личной просьбы владельцев.

Казалось бы, что человек с таким опытом для большевиков должен был быть на вес золота. Поначалу так и было. 16 июня 1918 г. коллегия Главконевти постановила: «Привлечь наиболее ценных ответственных работников, не стесняясь в размерах необходимого для них содержания». В списке, приложенном к этому распоряжению, значилось имя В.К. Истомина [10, л. 21]. «Я лично был приглашен на должность Управляющего делами Главконевти и окончательно переехал в Москву в начале июня 1919 г.», – рассказывал он позднее. Под руководством В.К. Истомина в Главконевти были переданы архивы технического и геолого-разведочных отделов правления, лаборатория, часть библиотеки товарищества Нобелей [5, л. 14].

К новой работе он приступил с 1 ноября 1918 г., после прощального собрания служащих правления фирмы с Г.Л. Нобелем. С августа 1919 г. В.К. Истомин возглавил технический отдел, в апреле 1920 г. он вошел в коллегию Главконевти. Через год его выбрали профессором Московской горной академии, он стал читать курс истории нефтяной промышленности.

В 1920 г. ценой совокупных усилий бывших служащих фирм, получивших презрительную кличку «спецы», и поставленных над ними комиссаров удалось организовать поставки и распределение нефтепродуктов. Однако сверхцентрализация эпохи «военного коммунизма», получившая в литературе название «главклизма», мешала правильной организации производства. Постоянная зависимость от Центра, вмешательство местных административных, профсоюзных и партийных организаций в решение текущих про-

изводственных вопросов, отсутствие полномочий мешали налаживанию работы промыслов и заводов. В.К. Истомин был одним из тех, кто еще летом – осенью 1918 г. участвовал в разработке концепции государственного нефтяного треста – самостоятельного в решении оперативных вопросов краткосрочного планирования, производства, сбыта, снабжения, подбора кадров, но подотчетного центральным административно-хозяйственным органам. Об этих идеях вспомнили, когда убедились в отсутствии жизнеспособности созданных управлений нефтяной промышленности в Баку и Грозном. «Рабочий контроль» оборачивался безответственностью технического персонала и развалом производственной дисциплины. В июле 1921 г. один из служащих Главконефти сообщал в письме: «Происходят усиленные работы по раскрепощению промышленности, в которые вовлекли уже и нас, заработала и наша машина. Пока еще все в области предположений, тезисов и предложений, но наверно в недалеком будущем примет реальные формы. В основе лежит коммерческая эксплуатация государственных предприятий, оставление за государством только крупных доходных предприятий, представление им широкой инициативы в отношении снабжения и проч., о чем уже полны все газеты» [11, л. 54]. Начинались НЭП и создание государственных нефтяных трестов.

А пока спецы, как и вся страна, переживали голод, разрушение коммунального хозяйства и транспорта. Особенно трудным оказался 1921 г., когда в стране начались массовый голод и эпидемия тифа. Как вспоминал один из нефтяников, в это время жен многих инженеров можно было встретить на рынке, продающих что-то из запасов своего белья или домашней утвари и рискующих быть арестованными за спекуляцию [12, л. 103].

В это время благотворительные организации США и Западной Европы начали свою деятельность в Поволжье и других наиболее пострадавших от голода регионах. Многие из эмигрантов частным образом оказывали помощь знакомым и близким, оставшимся в России, слали сало, мыло, одежду, обувь, наконец, деньги. Не остался в стороне от этого движения Г.Л. Нобель и нобелевцы-эмигранты, решившие помочь своим коллегам, оставшимся в России. «Нобель из-за границы (Стокгольм) с середины 1920 г. оказывал материальную поддержку своим служащим в Петрограде и отчасти в Москве, – писал начальник Петроградского нефтяного комитета, бывший нобелевец В.В. Гармсен. – Деньги, посылаемые из-за границы в думской валюте, получались мною или М.М. Тихвинским. Деньги эти распределялись мною лично или же через моих сотрудников, бывш. служащих Нобеля. <...> Часть денег посылалась нами Истомину Владимиру Константиновичу в Главконефть» [11, л. 80, 81 об.]. Власти знали об этой помощи, но до поры мирились и даже приветствовали ее. По воспоминаниям академика В.Н. Ипатьева, будто бы даже В.И. Ленин санкционировал эту помощь, приговаривая: «Я ничего не имею против того, чтобы к нам притекало золото из-за границы, только бы мы поменьше посылали его туда» [13, с. 288].

В марте 1921 г. в Кронштадте вспыхнуло антибольшевистское восстание моряков, крестьянские восстания охватывали все больше внутренних и окраинных губерний. Оставшаяся в стране интеллигенция была в набат. В ответ развернулась волна государственного террора, начался поиск «внутреннего врага», на которого можно было бы списать

все бедствия. В июле в Петрограде прогремело так называемое «Дело Таганцева» (или «Дело Петроградской боевой организации»), названное по имени известного специалиста по сапропелям, географа В.Н. Таганцева, тогда же был арестован и заведующий химической лабораторией Главконефти, бывший консультант «Т-ва бр. Нобель», профессор ряда петроградских институтов М.М. Тихвинский.

31 августа 1921 г. в своем кабинете в Петроградском нефтяном комитете был арестован В.В. Гармсен, а вслед за ним в течение нескольких дней еще некоторые сотрудники комитета, работавшие некогда у Нобелей. Все они в той или иной форме получали несколько раз материальную помощь из-за границы. 1 октября был арестован и В.К. Истомин.

В недрах ПетроЧК возникло дело о якобы существовавшей в советских республиках крупной и разветвленной шпионско-вредительской организации, состоявшей из бывших нобелевских служащих. Однако дело не клеилось, поскольку никаких доказательств у следователей не было, кроме признаваемого арестованными факта получения денег и упоминания о том, что В.В. Гармсен передал проф. М.М. Тихвинскому, расстрелянному накануне, какие-то статистические данные о запасах нефтепродуктов в Петрограде, которые не являлись секретными, поскольку были официально опубликованы. Агент, посаженный к Гармсену в камеру, докладывал: «Дело Г. [Гармсена] для меня сейчас совершенно ясно. Никакого экономического заговора не было. Н. [Нобель] присылал деньги до самого последнего времени, не требуя определенной антисоветской работы. Сам Г. говорит про это следующее: после этого допроса для меня стало совершенно ясно, что мое дело собираются закончить. Последние допросы – последние потуги выжать путем угроз хотя что-нибудь, но они стали на совершенно неправильный путь. Никакого определенного экономического заговора не было. Н. продолжал присылать деньги, потому что он считал себя хозяином, да и мы считали его тем же. Мы были убеждены, что рано или поздно нефтяные промыслы придется вернуть настоящему хозяину, ну мы не работали определенно во вред Советской власти, но, конечно, ничего не делали и в пользу ее» [11, л. 18]. Арестованные просидели уже более полгода, но им так и не предъявляли обвинений.

Дело получило новый импульс, когда его передали в Москву. К концу мая 1922 г. обвинительное заключение было готово. В нем говорилось, что «Истомин, получая, как видно из показаний Гармсена, деньги для распределения между бывшими служащими Нобеля в Москве, возглавлял Московскую группу Нобелевцев, члены которой благодаря его заpiresательству следствием не обнаружены» [11, л. 131 об.].

24 – 26 июля 1922 г. в Мосревтрибунале состоялся суд. На скамье подсудимых были девять человек. Судья и обвинитель никак не могли взять в толк причину «буржуйской» благотворительности. Исключая моральный аспект, они упирали на то, что эти средства – оплата неких услуг, оказываемых бывшими служащими Нобеля своему патрону.

Выписка из протокола заседания Мосревтрибунала:

«– Судья: Какими соображениями руководился Нобель, что, будучи заграницей, он вас великолепно поддерживает?

– Гармсен [обвиняемый]: Думаю, что чисто гуманный человек, потому что заграницей было известно, как здесь сейчас мы живем. <...>

– Судья: Это понятно и естественно, что Нобель, который

потерял все свое богатство, будет относиться так добросовестно к бывшим служащим, которые остались в предприятии и посылать поддержку – это смешно, это детский расказ» [14, л. 19].

Просьбы защитников приобщить к делу номера газеты «Экономическая жизнь», где публиковались данные статистики, трибуналом были отклонены, а о презумпции невиновности никто из судей не думал.

26 июля В.К. Истомина приговорили к расстрелу, но, приняв во внимание его возраст и революционное прошлое, высшую меру наказания заменили пятилетним заключением.

Сразу же после ареста в его защиту было послано несколько писем, а группа руководящих работников-коммунистов выразила готовность взять его на поруки. «В.К. Истомин является в настоящее время одним из немногих знатоков нефтяной промышленности во всех ее отраслях», – писал И.М. Губкин в своем прошении о помиловании [15, л. 136 – 136 об.]. В результате 30 ноября 1923 г. ВЦИК СССР решил В.К. Истомина «от личного наказания условно освободить, оставив в силе согласно приговора конфискацию имущества, поражение прав на пять лет» [5, л. 34].

Судьба отпустила В.К. Истому еще несколько лет для работы. Он стал консультантом в Нефтесиндикате и отраслевых отделах ВСНХ. Проработка вопросов развития транспорта нефти заставила снова взяться за перо. В журнале «Нефтяное хозяйство» была опубликована его статья «Транспорт в нефтяном деле» (1924. № 2). В 1925 г. он спроектировал увеличение мощности батумского порта в части перевалки нефтепродуктов, поскольку туда планировалось протянуть еще один нефтепровод из Баку. Для обсуждения бакинского и грозненского нефтепроводов при Госплане СССР под председательством В.Г. Шухова была создана Экспертная трубопроводная комиссия. В.К. Истомин стал заместителем В.Г. Шухова и при частых его отлучках вел заседания. С 1927 г. он вошел в созданный Научно-технический совет нефтяной промышленности, являлся экспертом при обсуждении вариантов нефтепровода Эмба – Поволжье.

В 1928 г. среди нефтяников началась новая волна арестов. 21 ноября 1929 г. В.К. Истомин был арестован в очередной раз. 4 апреля 1930 г. старший уполномоченный I отделения Экономического управления ОГПУ Н. Дроздов «нашел, что материалами следствия по делу к.-р. шпионско-вредительской организации в нефтяной промышленности Стрижов Иван Николаевич, Елин Иван Иванович, Борисевич Василий Константинович, Истомин Владимир Константинович, Идельсон Яков Семенович, Вольфсон Арон Соломонович, Цевчинский Александр Ильич и Цоглин Виктор Александрович изобличаются как активные члены и руководители вредительской организации. <...> Одновременно вышеперечисленные обвиняемые проводили шпионскую работу по информации Нобеля – Детердинга [глава концерна «Шелл»] о состоянии нефтяной промышленности» [16, л. 282]. На скамье подсудимых оказались уже не 9 человек, как в 1922 г., а 77. Доказательной базой по-прежнему являлись лишь лич-

ные признания, полученные под давлением следствия. В.К. Истомин признал свою вину лишь «частично». 18 марта 1931 г. он был приговорен к высшей мере наказания, измененной на десятилетнее заключение в концлагере.

В мае 1931 г. В.К. Истомин оказался на Ухте, затем его перевели на Шугор, а после он работал счетоводом-сметчиком стройчасти Кожвинского отделения Ухтпечлага. Его жена в это время писала одно прошение за другим, указывая на революционное прошлое мужа и слабость здоровья. Все было тщетным: 18 сентября 1932 г. в возрасте 69 лет от «рака дыхательного горла» бывший народоволец скончался [5, л. 38; 17].

Итак, недоучившийся студент-технолог начал карьеру под гласным надзором полиции, но затем стал управляющим делами крупнейшей нефтепромышленной корпорации и по сути первым техническим руководителем государственной нефтяной промышленности РСФСР. Человек, борющийся в молодости с царским режимом и сохранивший свои социалистические убеждения, пал жертвой режима и был предан забвению, из которого смог вернуться благодаря своему участию в судьбе журнала «Нефтяное хозяйство».

В 1992 г. В.К. Истомин был реабилитирован.

Список литературы:

1. Нефтяное хозяйство. – 2005. – № 9. – С. 23.
2. Спиридович А.И. Революционное движение в России. Вып. 2. Партия Социалистов-Революционеров и ее предшественники // http://www.hrono.info/libris/lib_s/spir01cr.html (дата обращения 20.09.2012).
3. Центральный архив (ЦА) ФСБ России. АСД Р-45122. Д. 92.
4. Труды БО ИРТО. – 1904. – № 4. – С. 78 – 79.
5. Корзухин И. Нефть в киргизской степи // Торгово-промышленная газета (ТПГ). – 1911. – № 106. – 11 (24) мая. – С. 1.
6. Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948 – 1990 гг.). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2005.
7. В обществе горных инженеров // ТПГ. – 1911. – № 254. – 12 (25) ноября. – С. 2.
8. Глушков И.Н. Современное состояние буровых работ на нефтяных площадях Уральской области // Нефтяное дело. – 1912. – № 21. – С. 7 – 12.
9. Миронов С.И. Уральский нефтеносный район и условия его развития // Нефтяное и сланцевое хозяйство. – 1920. – № 1 – 3. – С. 3 – 14.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 6880. Оп. 1. Д. 4.
11. ЦА ФСБ. АСД Н-1680. Т. 1.
12. ЦА ФСБ. АСД Р-49397. Т. 2.
13. Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика: в двух томах. – Т. 2. – Нью-Йорк, 1945. – 639 с.
14. Стенограмма заседания Мосревтрибунала от 24 июля 1922 г. // ЦА ФСБ. АСД Н-1680. Т. 1. Л. 19.
15. РГАЭ. Ф. 3897. Оп. 1. Д. 112.
16. ЦА ФСБ. АСД Р-45122. Т. 89.
17. Отдел спецфондов Информационного центра при МВД Республики Коми. Ф. 118. Оп. 77п. Д. 40.